

М. Н. ТИХОМИРОВ

БЕСЕРМЕНЫ В РУССКИХ ИСТОЧНИКАХ

Вопрос о происхождении казанских татар до сих пор не может считаться решенным. Татарская историография обычно связывает казанских татар с камскими булгарами. Основные черты этой гео-

³¹ А. И. Куприн. Избранные сочинения. Вступительная статья Л. С. Мясникова. Подготовка текста П. Л. Вячеславова. М., 1947, стр. 464, 466.

рин происхождения казанских татар наметил еще Ахмаров, указавший на то, что казанские татары до сих пор считают себя потомками древних булгар, что татары живут в тех же районах, где жили булгары, что татары, как и булгары, склонны к торговле и что, наконец, булгары и современные казанские татары близки друг к другу по своей материальной и духовной культуре.¹

С первого взгляда эти доводы выглядят убедительно, хотя в действительности против них можно выставить решительные возражения. Так, сходство культуры и материального быта казанских татар с булгарами вовсе не означает тождества этих народов. Это сходство может быть объяснено длительной взаимосвязью казанских татар с булгарами, их общей принадлежностью к общественному строю, сложившемуся в Среднем Поволжье в XIII—XV вв. Ведь имеются же черты сходства в культуре и быте казанских и астраханских татар, хотя последних нельзя считать потомками древних булгар.

Неверно и указание на то, что казанские татары населяют ту же территорию, которую заселяли булгары. Основная территория Булгарского царства находилась к югу от Камы, территория же, населенная казанскими татарами в XV—XVI столетиях, в основном лежала к северу от Камы.

Не очень надежным является и предание о происхождении казанских татар от древних булгар. При их кажущейся достоверности такие предания не всегда являются достаточно надежным критерием для суждения о происхождении того или иного народа.

К тому же камских булгар в числе своих предков называют не только татарские, но и чувашские историки, причем они также выступают с целым арсеналом доказательств правоты своей теории. И нельзя сказать, что доводы в пользу близости камских булгар к чувашам совершенно бездоказательны.²

Не ставя своей задачей разрешение проблемы о происхождении казанских татар в целом, обратим внимание только на одну частность, которая поможет и в разрешении общей проблемы.

При работе над летописными текстами бросается в глаза один неясный термин, который, впрочем, до настоящего времени всем исследователям казался, наоборот, вполне понятным. Это термин «бусурманин», «бесерменин». В наиболее компетентном пособии по изучению словарного материала древнерусского языка — в словаре И. И. Срезневского, находим три варианта этого слова: «бесермен» (бесерменин), «бусурманин» (бусурменин), «бусурман».³ Для всех вариантов этого слова дано традиционное объяснение — магометанин. А между тем даже немногочисленные при-

¹ Доводы Ахмарова повторил и М. Худяков в «Очерках по истории Казанского ханства» (Казань, 1923, стр. 14—15).

² История Чувашской АССР, кн. I. Чебоксары, 1962, стр. 20—21.

³ И. И. Срезневский. Материалы для Словаря древнерусского языка по письменным памятникам, т. I. СПб., 1893.

меры, приведенные в словаре Срезневского, заставляют усомниться в правильности такого толкования. Так, под словом «бесермен» (бесерменин) находим ссылку на Воскресенскую летопись, где под 1346 г. читаем такое известие: «...бысть мор силен на бесермены и на татары и на ормены». Как видим, в этом известии татары отмечаются особо от бесермен, хотя татары были мусульманами.

Само слово «бесурмен» было известно уже в дотатарское время. По летописи половецкий хан Кончак нашел в 1184 г. некоего «бесурменина», который стрелял живым огнем.⁴ Кажется, это и есть наиболее древнее упоминание о бесерменах в наших летописях. Более подробно говорится о бесерменах в Лаврентьевской летописи, где первое же упоминание о них очень характерно. Летописец сообщает под 1262 г., что в русских городах жители собирались на вече и изгоняли бесурмен, «окупахать бо ти оканьнии бесурмене дани». Далее же говорится, что некий чернец Изосима отвергся христианства «и бысть бесурменин, вступил в прелесть лжаго пророка Махмеда». Тогда же приехал от татарского хана Кутлубий, «зол сый бесурменин».⁵

Читая летописные строки о Зосиме и Котлубии, легко сделать обычный вывод, что здесь бесурменами названы просто мусульмане. Так это известие и расшифровывает А. Н. Насонов, который пишет, что выступления в русских городах были направлены «против мусульман-откупщиков, появившихся с распространением откупной системы».⁶ Против этого положения нельзя возражать, так как под бесурменами нашей летописи в данном случае явно понимаются мусульмане, но это отнюдь не решает вопрос об этническом происхождении мусульман-откупщиков, действовавших в русских городах. Ведь татары во второй половине XIII столетия не были в своей массе мусульманами. Поэтому составители указателя к изданию Лаврентьевской летописи поступили вполне правильно, когда слово «бесермены» они объяснили, как обозначение «народа».⁷

Какой же народ русские летописи называли бесурменами, или бесерменами? На этот вопрос в свое время ответил Карамзин. Основываясь на показаниях Плано Карпини, Карамзин так определил местоположение страны бесерменов: «Карпин называет государя бесерменов *Altisoldan*, так действительно назывался харазский или хивинский султан Магомет, побежденный Чингисханом... От имени бесерменов, которые были магометанской веры, произошло испорченное русское название бусурманов, или невер-

⁴ Летопись по Ипатскому списку. СПб., 1871, стр. 56.

⁵ Летопись по Лаврентьевскому списку. СПб., 1872, стр. 452—453.

⁶ А. Н. Н а с о н о в. Монголы и Русь. М.—Л., 1940, стр. 428.

⁷ Летопись по Лаврентьевскому списку. Указатель к изданию 1872 г., стр. 30.

ных».⁸ Замечание Карамзина о бесерменах уже без всякого сомнения было принято П. М. Строевым, который в своем ключе к Истории Государства Российского к слову «бесермены» просто делает ссылку: см. «харазцы», под которыми понимает жителей Хорезма.⁹

Определение страны бесерменов, которое сделал Карамзин, кажется, не встретило особых возражений. Его придерживается А. И. Малейн в комментарии к сочинению Платона Карпини. Он прямо пишет: «Земля бисерминов — мусульманская Центральная Азия».¹⁰

В работе С. П. Толстова страна бесерменов снова отождествлена с Хорезмом, а город Орнач прямо назван Ургенчем.¹¹ К сожалению, С. П. Толстов оставил необъясненным само название «бесирмены», или «бесермены», наших летописей. Существование такого слова вне русской среды показывает, что его нельзя произвести от испорченного русского слова, обозначавшего мусульманина.

В русских памятниках слово «бесермен» встречается неоднократно, причем мы замечаем определенную разницу в употреблении этого слова в известиях XIII—XV вв., с одной стороны, и в известиях более позднего времени, с другой.

В XVI—XVII вв. термин «бесермен» (нередко в современной его форме «басурман») встречается очень часто и в определенном значении — мусульманин, иногда иноверец. Так, это слово, например, употребляет Курбский — «град басурманский Казань».¹²

В конце XV в. слово «бесерменин» в смысле «мусульманин» употребляет и Афанасий Никитин. Например, он говорит, что пасха в Индии бывает «первие бесерьменского багрима за 9-ть день, или за 10 дни».¹³ Слова «бесерменский багрим» здесь обозначают мусульманский байрам. В другом месте Афанасий Никитин говорит о разных вероисповеданиях, называя их представителей — евреев, бесермен, христиан.¹⁴ Примеры отождествления бесермен, или басурман, в памятниках XVI—XVII вв. настолько многочисленны и общеизвестны, что на них не имеет смысла длительно останавливаться.

⁸ История Государства Российского, т. IV. СПб., 1817, стр. 304, прим. 51.

⁹ Ключ алфавитный, или указатель к «Истории Государства Российского» Н. М. Карамзина, составленный и ныне дополненный, исправленный и приспособленный к Пятому ее изданию П. Строевым. СПб., 1844, стр. 281.

¹⁰ Иоанн де Плато Карпини. История Мангалов. СПб., 1911, стр. 184.

¹¹ С. П. Толстов. Древний Хорезм. М., 1948, стр. 24.

¹² А. М. Курбский. История о великом князе московском. СПб., 1913, стр. 22.

¹³ Хождение за три моря Афанасия Никитина 1466—1472 гг. Изд. 2. М.—Л., 1958, стр. 19.

¹⁴ Там же, стр. 22.

Иное словоупотребление термина «бесермен» находим в русских летописных памятниках XIV—XV вв., хотя и тут в некоторых случаях можно говорить об отождествлении бесермен вообще с мусульманами. Однако в ряде летописных высказываний под бесерменами понимается определенный народ.

Во время войны московского великого князя Юрия Даниловича с тверским великим князем Михаилом Ярославичем в 1319 г. в числе войск Юрия указаны и бесермены. Вот этот замечательный летописный текст: «Прииде бо великий князь Юрий ратию ко Тфери, совокупив всю землю Низовскую и с кровопивцем Кавгадыем, и множество татар и бесермен и мордвы».¹⁵ Здесь бесермены названы наравне с татарами и мордвой. Трудно предполагать, что под ними в данном случае понимаются просто мусульмане, так как к этому времени волжские татары уже приняли ислам. Упоминание бесермен рядом с мордвой заставляет сомневаться и в том, что бесермены нашего отрывка являются каким-либо среднеазиатским народом.

Участие бесермен в войсках Мамай отмечается и сказаниями о Куликовской битве. Мамай «рати ины понаймова, бесермены и армены, фрязы, черкасы и ясы, и буртасы».¹⁶ Спрашивается, кто эти бесермены, о которых говорят сказания о Мамаевом побоище? С большой натяжкой можно думать, что под ними понимается какой-либо народ Средней Азии. Между тем, перечисляя нанятых воинов, — армян, итальянцев (фрягов), черкасов, осетин (ясов), буртасов — сказания молчат об одном народе, находившемся под несомненным владычеством золотоордынских татар, именно о камских булгарах.

Просматривая летописные известия, мы найдем, что такой пропуск не случаен и что слово «бесермены» тесно связано с определенным народом в Поволжье, как раз с камскими булгарами. Приведем несколько выразительных примеров подобного словоупотребления. В 1360 г. «взяша новгородци Жюкотин и много бесермен посекоша, мужий и жен».¹⁷ В этом известии жителя Жюкотина (булгарского Джукетау) отождествлены с бесерменами.

Еще яснее связь бесерменов с булгарами выступает в летописном известии 1376 г. В нем говорится о походе русских войск к Великим Булгарам. Русские подошли к городу 1 марта, «погани же бесерменове изыдоша из града, противу их, стаща на бой... и убиша их бесермен числом 70, и высла из города князь болгарский... и добиста челом князю великому».¹⁸ Здесь булгары, как и в более раннем известии, названы просто бесерменами.

Великие Булгары представлены центром бесерменов и в известии 1375 г. Ушкуйники, ограбив Нижний Новгород, дошли до

¹⁵ ПСРЛ, т. V, стр. 208.

¹⁶ С. Шамбинаго. Повести о Мамаевом побоище. СПб., 1906, стр. 4.

¹⁷ ПСРЛ, т. IV, стр. 63.

¹⁸ Там же, т. XVIII, стр. 17.

града Булгар и там, распродав бесерменам женщин и девиц, пошли к Сараю, «гости христианския грабячи, а бесермены бьючи».¹⁹

Особенно замечательно летописное свидетельство 1395 г. о походе на Булгары князя Юрия Дмитриевича. Он взял «город Болгары Великие, и град Жукотин, и град Казань, и град Керменчук и всю землю их повоева, и много бесермен и тотар перебиша, и всю Татарьскую землю плени».²⁰ В этом известии говорится о разорении Булгарской земли, причем говорится о двух народах, подвергшихся разорению, — о татарах и бесерменах. Надо иметь очень большое воображение, чтобы под именем бесерменов в данном случае понимать народы Средней Азии. Перед нами две этнические группы — татары и не отождествляемые с ними бесермены.

Сделанный вывод принимает еще большую долю вероятия при ознакомлении с более поздними известиями XV в., в которых бесермены упоминаются наравне с татарами. Особенно показательны следующие известия. В 1429 г. летопись говорит о приходе татар к Галичу (Мерскому). Русские воеводы погнались за татарами, «побиша татар и бесермен».²¹ Не сомневаемся в том, что даже ярые защитники тезиса о среднеазиатском происхождении бесермен, упоминаемых в наших летописях, затруднятся объяснить участие среднеазиатских народов в татарском набеге на Галич. Что речь идет о каком-то народе, жившем в Поволжье, становится ясно и при чтении другого летописного известия. В 1469 г. русские войска напали на Казань и разорили посад. «Мнози же бесермени и татары», как пишет дальше летописец, не хотели сдаться, а больше жалели о своих богатствах и, запираясь в своих домах с женами и детьми, сгорели.²² Трудно предполагать, что «бесерменами» здесь названы какие-то пришлые народы, а не один из волжских народов, в данном случае булгары.

Итак, по нашему предположению, слово «бесерменин» в наших источниках XIII—XV вв. имеет два значения: 1) оно обозначает мусульманина или иноверца вообще, 2) этим же словом называют определенный народ, именно камских булгар.

Происхождение самого слова «бесерменин» остается неясным, но можно сделать предположение, что оно было заимствовано булгарами из Средней Азии при принятии ислама, первоначально обозначая мусульманина в отличие от иноверцев. На это указывает Герберштейн, говоря о татарах: «Название же бесермены их радует, а этим именем любят называть себя и турки».²³

¹⁹ Там же, стр. 116.

²⁰ Там же, т. V, стр. 247—248.

²¹ Там же, т. XVIII, стр. 170.

²² Там же, стр. 221.

²³ Барон Сигизмунд Герберштейн. Записки о московитских делах. СПб., 1908, стр. 151.

Являясь первоначально единственным мусульманским народом в Среднем Поволжье, жившим в непосредственном соседстве с христианами и язычниками, булгары могли усвоить название «бесермены» сперва для обозначения своей принадлежности к мусульманам, позже — в качестве племенного названия. Последнее предположение находит подтверждение в этнографии Среднего Поволжья, где и в наше время еще живет небольшой народец, именующий себя бесерменами. Сведения о нем помещены под соответствующим словом в наших энциклопедиях, в том числе в Большой Советской Энциклопедии (статья И. Ногавицына «Бесермяне»). Об этом народе существует небольшая литература. Бесермяне, или по другому написанию бесермены, живут в Удмуртской АССР. Количество бесермен определяется в 7 тысяч с лишним человек. Живут бесермены отдельными деревнями, разбросанными среди удмуртского населения.

Происхождение этой народности загадочно, обычно ее причисляют к тюркскому племени, и считают остатком какого-то самостоятельного народа, отличного от вотяков и татар. «Бесермены отличаются матово-желтым цветом кожи, черными волосами и глазами, средним ростом, по головному указателю они брахицефалы. Говорят бесермены по-вотски, обычаи и весь уклад их жизни тоже вотские, с примесью кое-каких татарских пережитков», — читаем мы в Новой Большой Энциклопедии Брокгауза—Эфрона (Бесермены). В науке уже были высказаны предположения, что современные бесермены — потомки камских булгар. После того, что мы знаем о летописных упоминаниях о бесерменах, это предположение начинает покоиться на более солидных основаниях. Напомним здесь же, что Казанский летописец уверяет, что булгарские князья и люди (варвари), «владеющи поганым языком черемиским»,²¹ т. е. говорили на особом языке, близком не к татарам, а к чувашам, мари или удмуртам.

Признание того факта, что в ряде известий XIV—XV вв. под бесерменами наши летописи понимают камских булгар, позволяет сделать несколько выводов, в первую очередь отстранить представление, что камские булгары были татаризированы уже с XIII в., как это пытаются представить некоторые националистически настроенные татарские авторы. История булгар оказывается гораздо сложнее, чем обычно представляется. Этот народ сохраняет еще в XV столетии свои этнические особенности и отличается от татар.

В XVI столетии происходит процесс ассимиляции бесермен с татарами. Однако бесермены как особый народ, не слившийся с татарами и другими народами, продолжают обособленно жить в далеких углах Поволжья. Изучение языка и быта этих совре-

²¹ ПСРА, т. XIX, стр. 3.

менных бесермен, возможно, объяснило бы некоторые особенности эпиграфических текстов, оставшихся от древних болгар.

Признание бесермен особым народом, происшедшим от волжских болгар, разрешает многие неясности в истории Волжской Болгарии, на культурной основе которой развивалась культура казанских татар и чувашей.
